

Таким образом, в настоящей работе мы показали, какое влияние культура 1, к которой принадлежал Шаламов, оказала на то, каким образом он воспринял и описал ГУЛАГ — страшное порождение культуры 2. Мы проследили, как лагерь искажает сущность попадающего в него человека и меняет его отношение к смерти, а также провели литературоведческий анализ мотивов произведения, связанных с физическим пространством Колымы: символов *дома, дороги, земли, горы, дерева* как элементов культурной парадигмы.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-236-245

ПЕРЕПИСКА Ю. П. КАЗАКОВА С АРХАНГЕЛЬСКИМ КНИЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ*

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. Ю. БАЛАКИНА)

Поездки к берегам Белого моря стали определяющими для судьбы Юрия Павловича Казакова (1927–1982). «Беломорская» тема заняла центральное место в его творчестве, став своего рода визитной карточкой писателя. Но Казаков ездил на Русский Север не только за впечатлениями и материалом для своих произведений, он стремился наладить связи с литературным миром Архангельска. Первый раз еще начинающий писатель побывал в этом городе в 1956 году. Дебютировав за четыре года до того одноактной пьесой на производственную тему, к моменту приезда в Архангельск Казаков напечатал лишь несколько рассказов и спортивных корреспонденций, перспективы же издания первой книги казались далекими.

Тем не менее уверенный в своих творческих силах писатель стремился использовать все возможности для публикации. В Архангельске это сделать оказалось проще, чем в Москве, и две первые его книги вышли в местном издательстве. Подробности этой истории раскрываются благодаря документам, отложившимся в Государственном архиве Архангельской области: четырем письмам Казакова в Архангельское книжное издательство, двум ответным письмам, издательскому договору на сборник «Манька» и внутренней рецензии на него.

Адресатом писем Казакова был Александр Иванович Копылов (1898–1963) — журналист, автор многочисленных книг о деятелях революции на Севере, стахановцах и героях Великой Отечественной войны, с 1950 по 1960 год работавший директором Архангельского книжного издательства.¹ В его лаконичных письмах видно искреннее участие к начинающему автору. Не менее любопытны письма и самого Казакова, который даже в деловой переписке предстает настоящим мастером эпистолярного жанра.

Внутренняя рецензия также представляет немалый интерес — как для биографов Казакова, так и для исследователей литературных пристрастий советского общества середины XX века. Ее автором был известный архангельский поэт и журналист Иосиф Яковлевич Лебензон (1925–1990), писавший также под псевдонимом И. Леонидов. Будучи всего на два года младше Казакова, он, тем не менее, по своей биографии и литературной школе принадлежал к другому поколению и другой профессиональной писательской среде. Родившись на Украине, он работал на оборонном заводе на Алтае, затем служил в Москве в бронетанковых войсках. Закончив Уральский университет, Лебензон начал публиковаться в газетах Свердловска, а в Архангельск приехал

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 17-78-20194, <https://rscf.ru/project/17-78-20194/>, ИРЛИ РАН.

¹ См. о нем: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2012. Т. 4. Культура Архангельского севера. С. 249–250 (статья Н. А. Макарова).

в 1950 году. Будучи человеком чрезвычайно разносторонним и одаренным, он, тем не менее, всю жизнь оставался лишь «универсальным литератором»: писал репортажи, фельетоны, пародии, скетчи, обзоры цирковых программ, составлял программы для самодеятельных агитбригад, записывал мемуары ветеранов цирка. Лебензон был «автором или соавтором тринадцати книг, в которых говорится и об активистах ДОСААФ, и о дрессировке животных, и о подготовке пил к работе на лесопильных рамах и т. д. и т. п.»,² а также выпустил три поэтических сборника. Кроме того, он был известен как коллекционер старинных монет и денежных знаков.³

Понятно, что такой человек едва ли мог проникнуться лирическим настроением прозы Казакова, и, несмотря на добросовестность рецензии и ее в целом конструктивный тон, в ней нельзя не заметить оттенков снисходительности к неопытному автору, который допускает в своих рассказах столь чуждые советской литературе пессимизм и натурализм. Видимо, именно претензии Лебензона имел в виду Казаков, когда писал К. Г. Паустовскому, что архангельские «троглодиты чуть» его «не слопали».⁴

Рецензия заставила Казакова серьезно пересмотреть как состав книги, так и текст некоторых рассказов. Согласно предложению Лебензона, были изъяты рассказы «Розовые туфли» и «Тихон бешеный» (окончательное название — «Старики»), которые, к слову, никак нельзя считать творческими удачами писателя. Другие же три забракованные рецензентом рассказа — «На полустанке», «Странник», «Некрасивая» — в книге остались. Видимо, самим Казаковым были изъяты «Тихое утро» и «Тэдди», а взамен добавлены написанные позднее «Манька», «На острове», «Оленьи рога» и «Поморка»: как сообщал Казаков своему литературному наставнику по Литинституту Н. И. Замошкину 13 октября 1957 года, «я буду туда посылать (в Архангельское издательство. — А. Б.) до декабря все, что напишу нового за это время (2 рассказа уже написаны)».⁵ Лебензоном были также указаны неудачные, с его точки зрения, места, часть из которых писатель переработал. Поскольку черновики Казакова не сохранились и мы почти ничего не знаем о его творческой лаборатории, эти свидетельства имеют особую ценность для текстологов.

Ниже публикуются письма Ю. П. Казакова и А. И. Копылова, отложившиеся в Государственном архиве Архангельской области (Ф. 1062. Оп. 1. № 153). В Приложении приводится внутренняя рецензия на книгу рассказов Казакова, хранящаяся там же (№ 162. Л. 24–28). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и опiski исправлены без оговорок.

1

Ю. П. Казаков — А. И. Копылову

Уважаемый Александр Иванович!

Посылаю Вам рукопись повести,¹ о которой мы с Вами говорили в Архангельске.

Ее объем, а также ее содержание позволяет мне думать, что Ваше издательство может выпустить недурную книжку в детской серии, снабженную интересными рисунками.

Наличие познавательного материала из жизни животных и самый стиль вещи, как мне кажется, сделает книжку интересной для детей самого различного возраста от 8 и, примерно, до 15 лет.

² Педенко С. Лед и пламень: Заметки о поэзии Севера. Архангельск, 1981. С. 129.

³ О Лебензоне см.: [Чебанюк Ю.]. Памяти поэта и журналиста // Правда Севера. 1990. 21 сент. (подп. Журналисты «Правды Севера»); Мельницкая Л. Дело, которому ты служишь // Там же. 2015. 1 июня; Поморская энциклопедия. Т. 4. С. 284–285 (статья Ф. С. Агапитова).

⁴ Цит. по: Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова: Документальное повествование. СПб., 2012. С. 283.

⁵ Цит. по: Там же. С. 271.

В Москве «Тедди» уже печатается и получил весьма положительную оценку читателей. Вышла уже первая часть повести в № 7 журнала «Юный натуралист», окончание на днях появится в № 8.

Наконец, еще два соображения, по которым, мне кажется, моя рукопись должна подойти Вашему издательству.

Во-первых, действие в повести происходит на севере, именно в Архангельской области. Так что природа будет близка и понятна юным читателям.

Во-вторых, смею думать, что по своим художественным достоинствам эта вещь не уступает, во всяком случае, тем детским книжкам, которые выпускались до сих пор Вашим издательством.

Таковы мои соображения. Надеюсь в скором времени получить от Вас, Александр Иванович, благоприятный ответ.

Ваш Ю. Казаков
15 ноября <19>56 г<ода>

Я посылаю Вам рукопись, т<ак> к<ак> в журнале эта повесть идет без всяких изменений.

Автограф.

¹ Имеется в виду рассказ «Тэдди», опубликованный в № 7 и 8 журнала «Юный натуралист»; посланная рукопись в бумагах издательства не сохранилась.

2

Ю. П. Казаков — А. И. Копылову

Уважаемый Александр Иванович!

Около полутора месяцев назад я послал Вам в издательство рукопись своей повести «Тэдди».

В письме, сопровождающем рукопись, я просил Вас, т. е. издательство в Вашем лице, принять к напечатанию эту повесть, учитывая «пригодность» ее к Северу по содержанию, а также положительность в смысле художественном, выраженную хотя бы в том, что повесть эта напечатана в двух номерах (№ 7 и 8) московского журнала «Юный натуралист» и вызвала уже хорошие отклики со стороны читателей.

Ввиду того, что рукопись весьма мала по объему (около 2-х печ. листов), я надеялся получить быстрый ответ от Вас. Я думаю, Вам нет надобности объяснять нетерпение автора в данном случае. Как и все авторы, так и я, в данном случае, хочу как можно меньше времени пребывать в неизвестности относительно судьбы моей книжки.

Дело еще и в том, что я, сдав зимнюю сессию в институте (15 января),¹ возьму сверх каникул еще дополнительный творческий отпуск до конца февраля, т. е. если я не получу ответа от Вас до 15 января, то, значит, еще полтора месяца не буду знать, что решило издательство насчет моего «Тэдди».

Поэтому я очень прошу Вас ускорить рассмотрение рукописи, если она еще не прочитана и — не откладывать ответа, если повесть прочитана и о ней составилось мнение. Надеюсь, Вы не заставите меня волноваться и быстро откликнетесь на это мое письмо.

Если издательство решит, что рукопись моя не подходит по каким-либо причинам, очень прошу Вас выслать ее обратно на институтский адрес.

Теперь второе. Вышла третья книжка журнала «Молодая гвардия» с двумя моими рассказами.² Кроме того, по одному рассказу принято в журналы «Октябрь»³ и «Знамя».⁴ Наконец, 2–3 рассказа выйдут весной <19>57 года в сборнике лучших рассказов студентов Литинститута, который издается в «Советском писателе».⁵

Вместе с прежними рассказами, таким образом, соберется 10–12 рассказов, из которых я намереваюсь к весне составить первую книгу моих рассказов. Книгу эту я буду издавать, разумеется, в московском издательстве. Одновременно я мог бы предложить

ее и Вашему издательству. Многие рассказы написаны под впечатлением Севера. 1–2 рассказа будут непосредственно о поморах. Так что с этой стороны, т. е. со стороны содержания, книга, я думаю, может удовлетворить *Издательство Архангельск<ой> обл<асти>*. Со стороны же художественной Вы можете быть спокойным: у меня есть более и менее удачные рассказы, но плохих нет.

Хотелось бы услышать Ваши, Александр Иванович, соображения по этому поводу.

За всем этим позвольте мне пожелать Вам успехов и здоровья в 1957 году!

Ваш Ю. Казаков
28 XII <19>56 г<ода>

Р. S. Пожалуйста, известите меня насчет решения по рукописи «Тэдди» и пришлите ее обратно, в случае непригодности!

<Карандашом неизвестной рукой:> Адрес: Москва, К-104, Тверской, 25

Литературный институт

Казаков Ю. П.

Автограф.

¹ Казаков учился в Литературном институте с 1953 по 1958 год (см. об этом: *Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова. С. 70–75*).

² *Казаков Ю.* Странник. На полустанке: Рассказы // Молодая гвардия. 1956. № 3. С. 91–103.

³ *Казаков Ю.* Голубое и зеленое: Рассказ // Октябрь. 1957. № 6. С. 88–103.

⁴ *Казаков Ю.* Дом под кручей: Рассказ // Знамя. 1957. № 4. С. 133–140.

⁵ Этот проект осуществлен не был.

3

А. И. Копылов — Ю. П. Казакову

Исх. 13
10/I – <19>57

Уважаемый Юрий Павлович!

Прошу извинить, что задержался с ответом на Ваше письмо. Рукопись Вашей повести «Тедди» прочитали почти все работники нашего издательства. Она у нас оставила неплохое впечатление. Нет никакого сомнения, что повесть детского читателя будет интересовать. Ее надо издать отдельной книжкой.

Но все дело в том, что рукопись поступила в издательство, когда план наших изданий на 1957 год уже был утвержден и нам сейчас приходится изыскивать возможности для издания как Вашей повести, так и некоторых других произведений, которые планом не предусмотрены. Думаю, что мы эти возможности изыщем и повесть издадим в этом году.

Вы пишете, что готовите сборник рассказов. Как только будет закончена работа над рукописью, посылайте ее к нам, в издательство, для ознакомления.

Посылаем Вам учетную карточку автора. Просим заполнить ее и вернуть в издательство.¹

Директор издательства А. Копылов

Второй экземпляр машинописи, исходный номер, дата и подпись — автограф.

¹ Этот документ в делах издательства не обнаружен. Карточка была послана Казакову 28 марта 1957 года (ГААО. Ф. 1062. Оп. 1. № 153. Л. 43).

4

Ю. П. Казаков — А. И. Копылову

Москва, 8 апр<еля> <19>57 г<ода>

Уважаемый Александр Иванович!

Только что окончил и посылаю Вам новую вещь о слепой собаке. В Москве она пойдет в детском альманахе, который издает Союз Писателей к 40-летию Сов<етской> власти.¹ Я одновременно посылаю Вам также переписанный экземпляр «Тэдди», который я делал для книги рассказов. От старого он отличается незначительной стилистической правкой, да я выбросил еще те места, которые касались медвежьей пищи и т. п., словом, чисто технические места, художественного значения не имеющие.² Всего, таким образом, у меня получилось 59 стр.

Я остановился на названии книжке — «Арктур гончий пес». Мне кажется, это гораздо лучше «Лесных героев», которых я предлагал в прошлом письме.

Итак, мои обязанности кончились, теперь дело за Вами. Учетную карточку я заполнил и выслал. Мне хотелось бы, чтобы книжка вышла летом или к осени. Возможно это? И платит ли Ваше издательство авансы своим авторам?

В ожидании благоприятного ответа.

Ваш Ю. Казаков

Машинопись, последняя строчка — автограф, ниже карандашом, очевидно, дата получения: «11/IV».

¹ Рассказ «Арктур гончий пес» вышел одновременно в журналах «Москва» (1957. № 8. С. 20–32) и «Дон» (1957. № 8. С. 117–121); издание названного альманаха не состоялось.

² По сравнению с публикацией в «Юном натуралисте» рассказ подвергся мелкой, но довольно многочисленной правке, однако сокращения были единичны. Приведем упомянутый Казаковым выброшенный фрагмент про «медвежью пищу»: «Даже физически не был он так силен и ловок, как любой лесной медведь в его возрасте. Медведи питаются насекомыми, червями, кореньями, ягодами, изредка лакомятся падалью и уж совсем редкий дерет скотину. Сколько же сил надо, сколько терпения, чтобы насытить огромное тело! Сколько надо перевернуть пней, бурелома и камней, какие концы надо ежедневно делать по лесу, собирая по яголке, по корешку! Тэдди же не прикладывал до сих пор никакой энергии для добывания пищи. И хоть, конечно, нелегко было каждый день на репетициях и представлениях выделять разные штуки и кататься на велосипеде, но все это не шло ни в какое сравнение с настоящим трудом, который требовался теперь от него» (Юный натуралист. 1956. № 7. С. 22). Любопытно также, что была удалена фраза, отсылавшая к музыкальному прошлому писателя: «Словно хороший дирижер в оркестре, он инстинктивно почуял робкую, но фальшивую ноту, которая портила весь чистый аккорд» (Там же. № 8. С. 34).

5

Архангельское издательство — Ю. П. Казакову

Исх. 144

29/IV — <19>57

Уважаемый Юрий Павлович!

Как Вам уже писал Александр Иванович, Вашу повесть «Тэдди» мы решили издать отдельной книжкой, и у нас нашлась возможность выпустить ее в текущем году. К тому времени, когда мы получили от Вас переписанный экземпляр «Тэдди» и рассказ об Арктуре, у нас уже было заказано художнику и подготовлено оформление, поэтому изменять что-либо нам бы не хотелось. Стилистические поправки, сделанные Вами в «Тэдди», редактор (Лидия Ивановна Одинцова¹), конечно, учтет.

Посылаем Вам договор на «Тэдди». Один, подписанный Вами, экземпляр, пожалуйста, верните в издательство.² По получении от Вас подписанного договора мы вышлем Вам аванс в размере 60 %. Сообщите также, присылать ли корректуру «Тэдди».

Что касается «Арктура гончего пса», то, может быть, Вы позднее пришлете еще какие-либо рассказы, и можно будет сделать небольшой сборник.

/Директор издательства А. Кольцова

Второй экземпляр машинописи, исходный номер, косая линейка перед названием должности (указывающая на то, что документ подписан не самим этим лицом, а кем-то из его заместителей) и подпись — автограф. Какую должность занимала в издательстве адресант письма, установить не удалось.

¹ Л. И. Одинцова — редактор обеих архангельских книг Казакова. По-видимому, она испытывала к нему сильные романтические чувства (см.: *Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова*. С. 104–105, 283, 327).

² Этот документ в делах издательства не обнаружен.

6

Ю. П. Казаков — А. И. Копылову

Уважаемый Александр Иванович!

Вы представить себе не можете, как понравился здесь всем — и мне в первую очередь — «Тэдди»! Прекрасная обложка, печать, рисунки, размер — словом, книжка издана очень хорошо. Я послал уже 2 экз. за границу (в Польшу и Чехословакию¹), показывал ее в Детгизе и друзьям: никто не верит, что это работа областного издательства.²

Большое Вам спасибо! Дай бог, чтоб она скорее разошлась и получила приятные отзывы.

Теперь, Александр Иванович, позвольте мне заглянуть немного в будущее. Я знаю уже, что сборник рассказов, который у Вас есть, произвел благоприятное впечатление (об этом мне сказали еще в Архангельске, когда я заходил к Вам). Т<ак> к<ак>, по-видимому, Вы решили издать и этот мой сборник, то я хотел бы упорядочить свои отношения с издательством, т. е. заключить договор на издание сборника.

Я уверен, что Вы и сами выслали бы мне договор, но, как всякому автору, мне хочется поскорее утвердиться в своем авторском положении. Поэтому я и осмеливаюсь напомнить Вам о столь прозаических делах.³

Вновь организованное московское издательство «Советская Россия» прислало мне письмо с просьбой дать что-нибудь на <19>58 год. Я ничего не дал, т<ак> к<ак> те рассказы, что у меня есть, уже розданы (Вам, в Детгиз и в «Сов<етский> писатель») — буду делать для «Сов<етской> России» новую книгу, над которой сейчас сижу.⁴

В Москве — дождь. Представляю, что делается у Вас в Архангельске! Наверное — холод и холод!

До свидания, Александр Иванович, желаю Вам счастья и здоровья! Большой привет Л. И. Одинцовой!

Ваш Ю. Казаков

1 X <19>57 г<ода>

Автограф.

¹ На чешском языке «Тэдди» вышел отдельной книжкой в 1962 году: Teddy: Pro čtenáře od 9 let / Z rus. vyd. přel. Ja. Kadlecová; ill. O. Hlavsa. Praha, 1962.

² Ср. отзыв о книжке в письме Казакова к К. Г. Паустовскому от 22 ноября 1957 года: «В Архангельске вышла у меня книжка, которую я со страхом посылаю Вам. Книжка оч<ень> хороша для обл<астного> издательства (я говорю о внешности). Содержание же ее неважно, и Вы ее не читайте. Я бы не послал Вам ее, но это моя первая книжка, и мне, признаться, ужасно приятно всем ее дарить. Извините!» (цит. по: *Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова*. С. 276).

³ Договор был подписан 9 июля 1958 года на книгу объемом 4 авторских листа; гонорар — 2300 р. за авторский лист (ГААО. Ф. 1092. Оп. 1. № 163. Л. 18–18 об.), что было довольно высокой ставкой для Архангельского издательства. Судя по договорам близкого времени (см.: Там же. № 164), больше Казакова получали местные классики: С. Г. Писахов за «Сказки» (3000 р. за а. л.), К. И. Коницев за «Повесть о Федоте Шубине» (2500 р. за а. л.) и Т. П. Сеницын (Пэля Пунух) за

сборник рассказов «Уголек» (2500 р. за а. л.). Сравним эти цифры с гонорарами Г. Л. Шакулова за книгу сказок «В зеленом царстве» (2000 р. за а. л.) и Д. Н. Федорина за сборник рассказов о животных «Рыжая „актриса“» (1500 р. за а. л.).

⁴ Про эти книги Казаков подробно писал Н. И. Замошкину 13 октября 1957 года: «Вышел у меня „Тедди“ отдельной книжкой в Архангельске. Эка, куда меня занесло! Кроме того приняты сразу три книжки: 1) в „Советском писателе“, 2) в Детгизе, 3) опять-таки в Архангельске. Я пустил в ход *все* рассказы, кроме первых, „американских“. Вот эти рассказы: „Тихое утро“, „Ночь“, „Дым“, „Некрасивая“, „Лешак“, „Голубое и зеленое“, „На полустанке“, „Странник“, „Дом под кручей“, „Никишкины тайны“, „Арктур“, „Розовые туфли“, „Тихон Бешеный“ (сильно переделан!), „Тедди“. Все рассказы, конечно, будут в разных книжках в разных пропорциях. Так, например, в Детгизе у меня выходят: „Ник<ишкины> тайны“, „Арктур“, „Тедди“, „Ночь“, „Тихое утро“, „Роз<овые> туфли“, в „Сов<етском> писателе“ они же (за исключением «Тедди» и «Роз<овых> туфель») и все остальные. В Архангельске не идет „Голубое и зеленое“ и что-то еще, но я буду туда посылать до декабря все, что напишу нового за это время (2 рассказа уже написаны). Словом, книжки будут отличаться друг от друга процентов на 50–60, и даже больше» (цит. по: *Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова*. С. 271). Подготовленный «Детгизом» сборник из четырех рассказов для старшего школьного возраста «Арктур гончий пес» вышел в свет в августе 1958 года, а подготовленный «Советским писателем» сборник «На полустанке» — весной 1959 года (подп. к печати 24 декабря 1958 года).

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАССКАЗЫ ЮРИЯ КАЗАКОВА

Знакомство с рассказами молодого писателя Юрия Казакова убеждает, что имеешь дело с несомненно одаренным человеком. Все рассказы написаны живым, выразительным языком. Ю. Казаков умеет видеть, подмечать интересные жизненные детали, умеет сочно и живописно рассказывать о том, что он видит. Особенно хорошо даются автору картины природы. Чувствуется, что он любит и знает природу, животных. Обычно у молодого писателя редко бывает богат арсенал выразительных средств. О Казакове этого не скажешь — он пользуется многими литературными приемами, умело применяя их и добиваясь высокой выразительности почти в каждом рассказе.

Однако наряду с этим рассказы Казакова имеют и весьма существенный недостаток. Прежде всего чувствуется, что автор боится проникнуть в гущу жизни. Как правило, герои его действуют где-то на отшибе. Ни один из рассказов не имеет местом действия город либо колхозное село, а если это и есть, то лишь формально. Типична для Казакова обстановка леса, речки (рассказы «Дым», «Ночь», «Тихое утро», «Тэдди», «Арктур — гончий пес»), либо стоящего на отшибе склада («Тихон бешеный»), либо отдаленной от города биостанции («Розовые туфли»). Этим искусственно сужается и круг действующих лиц, и круг их интересов. Характерно, что Ю. Казаков ни в одном из рассказов не изображает отношения героев к трудовым процессам, как бы специально избегает этого.

Рассказы молодого прозаика можно разделить на две самостоятельных группы. Это, во-первых, рассказы о природе, об охоте, рыбной ловле, о зверях. К этой группе относятся рассказы «Никишкины тайны», «Дым», «Ночь», «Тихое утро», «Арктур гончий пес», «Тэдди». Вторая группа рассказов — «На полустанке», «Странник», «Некрасивая», «Розовые туфли», «Тихон бешеный» — бытовые. Рассказы эти лучше запоминаются, так как в них речь идет в первую очередь о взаимоотношениях между людьми, но в этих рассказах еще более явно выступают недостатки молодого писателя. Самое неприятное — это его непонятный пессимизм. Все герои рассказов — люди ущербные, несчастенькие (речь идет о рассказах бытовых, хотя в какой-то степени это касается и рассказов о природе), либо до предела низкие и подлые. Гаденький вор, странник Иоанн и молодая вдова Люба («Странник»), парень Вася, который, почуввав запах славы, бросает свою возлюбленную, и несчастная брошенная им девушка («На полустанке»), совершенно растленный, до предела отвратительный тип — ветеринарный фельдшер Николай и опять же несчастная, некрасивая девушка Соня («Не-

красивая»), спившийся сапожник («Розовые туфли»), два старика, поведение которых вызывает мысль о ненормальности по крайней мере одного из них («Тихон бешеный»). По рассказам Юрия Казакова можно составить крайне неприглядное представление о жизни. Впрочем, обратимся к самим рассказам.

«Никишкины тайны» — рассказ о мальчишке, влюбленном в природу. Мальчишка необычный, вот как описывает его автор: «Какой-то он не такой, как все, тихий, ласковый, а ребята в деревне все „зуйки“, настырные, насмешники. Лет ему восемь, на голове белый вихор, лицо бледное, в веснушках, уши большие, вялые, тонкие, а глаза разные: левый пожелтей, правый побирюзовей. Глянет — и вот младенец несмышлennyй, а другой раз глянет — вроде старик мудрый. Тих, задумчив Никишка, ребят сторонится, не играет, любит разговоры слушать, сам говорит редко и то вопросами...».

И вместе с тем автор любит своего Никишку. На природе, вдали от людей — вот где раскрывается его герой. Здесь Никишка ведет разговоры и с солнышком, и со зверями, и с предметами. Увидев, как отец добывает выловленную семгу, Никишка «бледен, поражен, опомниться не может». И только привыкнув немного к семге, заявляет: «Не, я лучше капитаном буду! Не хочу тюленей бить, они смиренные...».

Да, это очень интересно — и описание Никишки, и его взаимоотношения с природой, которая во сне откроет ему «все тайны немой своей души». А с другой стороны, наряду с хорошей, подлинной лиричностью есть в рассказе такая ущербинка — ведь все это любование Никишкой не что иное, как проповедь ухода к природе, ухода от жизни, которую, судя по всему, так не любит Ю. Казаков.

По-настоящему хорош рассказ «Дым». Петр Николаевич и его сын Алексей приезжают, очевидно, во время отпуска, в лес, на те самые места, где когда-то впервые охотился Петр Николаевич со своим отцом. Лирика переживаний Петра Николаевича, вспоминающего молодость, и Алексея, познающего прелести леса, его прогалин, озерца. Но и в этом рассказе идейные выводы автора никак не могут устроить. Вот как воспринимает все происходящее Петр Николаевич: «Да, все то же... И жизнь по-прежнему прекрасна, и будет такой всегда, только он уже не тот, от него ушло что-то, и та жизнь, которая у него была, теперь не придет, первой любви больше не будет, постоянное состояние счастья и восторга не вернется, все ушло...». Алексей, наоборот, радуется и купанью в озере, и добытым уткам, и недокуренной отцом папироске, которую он «закурил, неумело затыгиваясь». Но и в этой радости автор подчеркивает то, что, очевидно, считает самым главным: «улыбаясь от неомраченного еще ничем счастья». Это последняя фраза рассказа, и напоминание автора о том, что счастье Алексея кратковременно, что и оно в свое время будет обязательно омрачено, конечно, не добавляет оптимизма.

Рассказ «Ночь» не менее лиричен, чем «Дым», но таких возражений в идейном отношении не вызывает.

В рассказе «На полустанке» все — от обстановки до настроения героев — проникнуто тоской. И автор эту тоску подчеркивает, нагнетает. «...В тоскующих темных глазах ее притаилось что-то болезненно-невывказанное», «со слабым шорохом катились по перрону листья, шептались тоскливо о чем-то своем... Кругом было сыро и зябко». Сюжет рассказа несложен: парень с полустанка «норму мастера жиманул запросто». И вот, окрыленный спортивными успехами, он едет в область. А девушке, которая любит его, в последнюю минуту, когда поезд уже тронулся, сообщает: «— Слышь... Не приеду я больше! Слышь...».

«На полустанке» — грустный рассказ о человеческой подлости. Да, конечно, так случается в жизни, и рассказ мог бы быть напечатан, будь у Казакова в противовес ему и другие рассказы о более светлых сторонах жизни. Но, к сожалению, в бытовых рассказах Казакова везде тоска, грусть, разочарование.

«Некрасивая» — это такой же, как и «На полустанке», тоскливый рассказ о некрасивой девушке Соне, которая «все еще надеялась на какое-то счастье», но лучшие чувства ее были грубо растоптаны ветфельдшером Николаем. Отношение Николая к жизни предельно просто. Вот оно:

«Зачем вы так, Коля? — страдальчески сказала Соня. — Как вы можете! Откуда в вас такое пренебрежение? Нужно верить в человека! Вспомните, что говорил Горький!

Николай приподнял голову и сплюнул».¹

Разумеется, и это все могло иметь место в жизни, все это может быть темой рассказа, но удивляет больше всего, почему молодой автор так старательно выволакивает на свет все грязное, все мрачное, почему не хочет он видеть красоты жизни именно в человеческих взаимоотношениях.

Рассказ «Странник» несколько отличается от двух предыдущих. Здесь разоблачение ханжи и лицемера Иоанна, лентяя и бездельника, избравшего своей профессией странничанье, а религию — оправданием своему безделью. Здесь тоже вытащены уродливые стороны жизни, причем далеко не такие распространенные, как в рассказах «На полустанке» и «Некрасивая». Надо ли было об этом писать? Трудно сказать. Во всяком случае не было никакой необходимости перегружать рассказ обилием отвлеченно-натуралистических деталей.

Натуралистическими деталями перегружена и сцена на реке в неплохом рассказе «Тихое утро».

Казаков выискивает в жизни патологически-необычное. Именно этим и можно объяснить появление на свет рассказа «Арктур — гончий пес». Основной герой рассказа — слепой гончий пес Арктур. Слепой гончак удалился в лес и гнал там дичь. Его замечательное чутье помогало ему обнаружить и поднять дичь быстрее, чем любому другому псу. Но настичь дичь Арктур никогда не мог. В конце концов слепой гончак гибнет, наткнувшись на сук засохшей сосны. «Он погиб на охоте, погиб в момент наивысшей страсти, и лучшей смерти для собаки быть не может». Ну что ж, этот авторский вывод может примирить читателя с несколько необычной фабулой рассказа, с несколько необычным его героем. Да, тут мы полностью согласны с Казаковым — смерть во время дела, во время высокого порыва — это почетная смерть не только для гончего пса.

Хорош по замыслу и исполнению рассказ «Тэдди», уже знакомый архангельскому читателю по отдельному изданию. Писатель поставил перед собой интересную задачу: показать процесс обучения необходимым знаниям медведя, выросшего в цирке, среди людей. Процесс одичания Тэдди, возвращения его в родную стихию леса автор описывает с великолепным знанием медвежьих повадок. К сожалению, не чувствуется настоящей любви автора к своему герою, как, например, в «Арктуре», и от этого рассказ «Тэдди» проигрывает. Неплохо было бы убрать описание кормежки медведя в цирке падалью. Эта деталь (кстати, совершенно не типичная для содержания зверя в цирке) в рассказе не нужна, а отвращение вызывает.²

Наиболее слабыми, на мой взгляд, являются рассказы «Розовые туфли» и «Тихон бешеный». Сапожник из рассказа «Розовые туфли» сделал на заказ для невесты прекрасную обувь. Он работал туфли тщательно и благоговейно, пустил на них самый благородный материал. Когда выяснилось, что заказчик не женится, он продал туфли, заломив несусветную цену — три тысячи рублей. В результате сапожник пропивает эти три тысячи и спивается окончательно. Грустная и ненужная история.³ Загадочен и непонятен образ Тихона в рассказе «Тихон бешеный». Угрюмый гигант-молчальник, сторонящийся людей, — обычный для Казакова герой-отшельник. Но мотивы поступка его загадочны и непонятны. Что именно заставило его пить водку с бывшим купцом Кругловым во время дежурства (Тихон — ночной сторож), по какой причине застрелил он Круглова? Мотивы этих поступков неясны, психологически не оправданы. И рассказ представляет собой нечто крайне патологическое, ненормальное.⁴

На мой взгляд, сейчас нет смысла печатать рассказы бытовые — «На полустанке», «Странник», «Некрасивая», «Розовые туфли» и «Тихон бешеный». Первые три рассказа вообще-то могут быть опубликованы, но только при наличии нескольких других рассказов, более оптимистических и более верно трактующих жизнь.

Рассказы же о природе, охоте и зверях — «Никишкины тайны», «Дым», «Ночь», «Арктур — гончий пес» и «Тэдди» могут быть напечатаны. В этом случае книга рассказов будет иметь четкую свою тематику, а автор предстанет перед читателем с более выигрышной для него стороны.

И. Лебензон